

Правоведение

УДК 343+347

А.И. Алимова

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ НАЛОЖЕНИЯ И ОБЖАЛОВАНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО СОБСТВЕННИКОВ (ДОБРОСОВЕСТНЫХ ПРИОБРЕТАТЕЛЕЙ)

В статье рассматриваются правоприменительные проблемы процедуры наложения и обжалования такой ограничительной меры, как арест имущества собственников (добросовестных приобретателей) по решению суда, в том числе в случае приостановления производства по уголовному делу. Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ, арест может быть наложен на имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому, а также лицам, несущим материальную ответственность по закону за их действия. Вместе с тем органы предварительного следствия, не определяя процессуального статуса лица, возбуждают перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество. Лицо, имущество которого подвергнуто аресту в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, обладает незначительными правами, поскольку не привлекается к рассмотрению дела в части гражданского иска ни в какой процессуальной форме как не предусмотренное УПК РФ. С целью совершенствования нормативного регулирования в УПК РФ данной меры процессуального принуждения следует внести дополнения в ст. 115, 133, 165 УПК РФ.

Ключевые слова: обеспечительные меры в уголовном процессе; арест на имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого; применение ареста имущества в случае приостановления производства по уголовному делу; процедура обжалования постановления суда о наложении ареста на имущество; реабилитация; возмещение морального вреда.

В уголовном процессе для обеспечения надлежащего порядка и условий производства по делу органы предварительного расследования могут превентивно применять ограничительные меры в отношении общегражданских (вещных) прав как подозреваемых, обвиняемых, так и тех лиц, которые самостоятельно не участвуют в производстве по делу (превентивно-обеспечительные меры процессуального принуждения).

Впервые в уголовно-процессуальном законодательстве в рамках гл. 14 УПК РФ¹ они объединены в отдельную группу «иных мер процессуального принуждения» с учетом цели, сферы действия, оснований применения, круга лиц, возможности возмещения вреда, причиненного незаконным применением данных мер, собственно порядка их применения, а в части ареста имущества – определения его стоимости, исполнения решения, хранения, освобождения от ареста, то есть в целом законодательной конструкции.

Научные подходы и законодательное регулирование наложения ареста на имущество неоднократно подвергалось изменениям, прошло длительный путь эволюции, что объективно было связано с уровнем развития имущественных отношений и типом уголовного процесса. В частности, в советский период развития уголовно-процессуального законодательства и теории уголовного процесса большинством процессуалистов наложение ареста на имущество рассматривалось исключительно как следственное действие².

В соответствии с действующим УПК РФ наложение ареста на имущество чаще всего рассматривают как самостоятельную меру процессуального принуждения (Аршба Г.В., Петрикин В.Ю. и др.)³, обеспечивающую гражданский иск и другие возможные имущественные взыскания по уголовному де-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921. Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

² Корнуков В.М. К понятию мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе // Ученые записки Саратовского юридического института. 1970. Вып. XIX, ч.1. С. 261; Корнуков В.М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. Саратов, 1978. С.20.

³ Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2004. С. 58; Аршба Г.В., Гирько С.И., Николюк В.В. Наложение ареста на имущество. М.: ВНИИ МВД России, 2004. С. 5.

лу, подчеркивая ее превентивно-обеспечительный характер (Тутынин И.Б.)⁴, отличая по цели от следственных действий, либо выделяют организационно-распорядительную составляющую (Ханжин В.И.)⁵, так и наделяют двойной процессуальной природой, то есть рассматривая и как меру процессуального принуждения, и как следственное действие (Багаутдинов Ф.Н., Искандиров В.Б., Ионов В.А. и др.)⁶, не принимая в данном случае во внимание, что перед наложением ареста на имущество, оно должно быть конкретно установлено, как полученное в ходе преступных действий, в том числе нажитое преступным путем, то есть сбор, проверка и оценка доказательств совершения преступления в части установления имущества, подлежащего аресту, должна быть завершена.

Таким образом, наложение ареста на имущество не имеет поискового характера и доказательственного значения, не направлено на получение доказательств, а значит, следственным действием не является.

Несмотря на достаточную степень научной разработанности данного института, проблема ареста имущества при производстве по уголовным делам не исчерпана⁷. Требуется реформирование института мер уголовно-процессуального принуждения, в той или иной мере затрагивающих имущественные права граждан. В частности, должного внимания не уделяется фактическим доказательствам проведения наложения ареста на имущество, на основании которых должностное лицо приходит к выводу о совершении определенным лицом преступления, которым причинен вред, для возмещения которого необходимо удовлетворить гражданский иск или взыскать штраф, другие имущественные взыскания, либо возможна конфискация имущества, добытого преступным путем.

В целом не выработаны единые критерии обоснованности наложения ареста на имущество в стадии предварительного расследования, а также уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и гражданско-правовые гарантии обеспечения обоснованности применения иных мер процессуального принуждения⁸. По существу, это свидетельствует о перераспределении бремени доказывания законности обладания имуществом на других, отличных от подозреваемых, обвиняемых лиц, являющихся обладателями такого имущества, чьи интересы по ч. 3 ст. 115 УПК РФ могут быть затронуты наложением ареста на имущество, что в свою очередь нарушает принцип презумпции невиновности и основополагающие принципы уголовного процесса.

Определенную сложность представляет обжалование решения наложения ареста на имущество, которое принимается судом по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателя с согласия прокурора для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества с целью предупреждения его сокрытия, отчуждения (ст. 115 УПК РФ).

Большое количество неправомερных ходатайств возбуждается в отношении имущества других (третьих лиц), по которым органы предварительного расследования и суды не устанавливают конкретные, фактические обстоятельства и прямую связь преступной деятельности (деятельности) и данного имущества. В таких ситуациях имущество ни в какой мере не может быть предметом уголовно-

⁴ Тутынин И.Б. Наложение ареста на имущество как мера уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 35.

⁵ Ханжин В.И. Уголовно-процессуальный порядок и организационно-тактические основы наложения ареста на имущество: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006. С. 33.

⁶ Ионов В.А. Наложение ареста на недвижимое имущество в соответствии со ст. 115 УПК РФ как средство обеспечения экономической безопасности // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2008. № 2(9). С. 67; Ионов В.А. Участники иной меры процессуального принуждения – наложения ареста на имущество (недвижимость), предусмотренной ст. 115 УПК РФ // Проблемы реформирования российского законодательства: история и современность: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Тамбов: Изд-во Р.В. Першина, 2009. С. 332; Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях: дис. ...канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2010. С. 67; Искандиров В.Б. Правовая природа наложения ареста на имущество // Актуальные проблемы противодействия преступности в кризисном обществе: материалы междунар. конф. Челябинск, 2010. С.15. Искандиров В.Б. Наложение ареста на имущество в уголовном процессе: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 3.

⁷ Чистякова В.С. Меры уголовно-процессуального принуждения // Уголовно-процессуальное право России / под. ред. П.А. Лупинской. М. 2004. С. 3.

⁸ Воробей С.Н. Меры уголовно-процессуального принуждения: сущность, назначение, критерии обоснованности применения в стадии предварительного расследования: дис. ...канд. юрид. наук. Хабаровск, 2009. С. 151.

правового воздействия и можно говорить об упрощенном обеспечении имущественных взысканий в рамках уголовного процесса и безосновательном ущемлении имущественных интересов частных лиц.

С имуществом, находящимся в собственности других лиц, как правило, родственников, и возникают спорные ситуации, не учитывается наличие брачного контракта, изначально заключенного между супругами. Гражданско-правовые сделки рассматриваются как способ сокрытия имущества без признания их в установленном законом судебном порядке ничтожными. Простота, с которой применяются обеспечительные меры в рамках уголовного процесса, не идет ни в какое сравнение со сложностями, возникающими у истца в части доказывания обоснованности испрашиваемых требований, когда такое ходатайство заявляется в порядке гражданского судопроизводства. Наиболее отчетливо изложенная проблема просматривается при производстве подобного процессуального действия в отношении недвижимого имущества, принадлежащего (другому) третьему лицу, не причастному к совершению преступления.

Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ, арест может быть наложен на имущество, принадлежащее подозреваемому, обвиняемому, а также лицам, несущим материальную ответственность по закону за их действия. Таким образом, из смысла данной нормы ст. 115 УПК РФ изначально в ходе предварительного расследования должен быть определен и избран процессуальный статус по уголовному делу, а именно, лицо должно быть привлечено в качестве подозреваемого, обвиняемого. И затем, в связи с данным уголовно-процессуальным статусом, вводятся понятие и признаки специального субъекта – лица, несущего материальную ответственность за действия подозреваемого, обвиняемого.

Следует отметить, что зачастую органы предварительного следствия, не определяя процессуального статуса лица, не вынося какого-либо акта (постановление в качестве подозреваемого, обвиняемого), без установления периода преступной деятельности и проведения экспертизы, что необходимо по такого рода уголовным делам, возбуждают перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество лица, не являющегося подозреваемым, обвиняемым, гражданским ответчиком по уголовному делу. При том, что лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, не установлено, и, следовательно, отсутствуют основания полагать, что материальную ответственность за его действия должен нести собственник имущества.

Само ходатайство в таких случаях имеет пороки и противоречия описания преступных действий, в частности, лицо, процессуальное положение которого не избрано, указывается в связи с преступной деятельностью, то есть деятельность данного лица без достаточных, основанных на законе фактических обстоятельств называется преступной. Деятельность преступная, а лицо – без процессуального статуса: ни подозреваемое, ни обвиняемое. Налицо голословно названная, должным образом не описанная объективная сторона преступления при отсутствии самого субъекта преступления, но с наложением ареста на имущество неустановленного в процессуальном смысле лица. Такие действия следователя могут свидетельствовать о не надлежаще проведенном расследовании, его обвинительном уклоне. Расширительное толкование ст. 115 УПК РФ не допустимо, исходя в первую очередь из принципа законности и других основных принципов и правовой природы уголовно-процессуального законодательства.

В ч. 3 ст. 115 УПК РФ названы лица, у которых может находиться имущество, полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, то есть полученное преступным путем. Причем в отношении имущества других лиц должны иметь место достаточные основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого, то есть должна быть установлена его преступная принадлежность, доказана причинно-следственная связь между имуществом другого лица, на которое наложен арест, и преступными действиями подозреваемого, обвиняемого. В первую очередь органам предварительного следствия необходимо установить юридическую судьбу имущества, например, в части недвижимого имущества истребовать из Управления Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии не только правоудостоверяющие документы: Свидетельство о государственной регистрации права или выписку из Единого государственного реестра прав, где указан только собственник, но и правоустанавливающие документы, например, договоры дарения, купли-продажи, из которых просматриваются происхождение и принадлежность имущества, а также законность сделки и чистота права. То есть подтверждается не только добросовестность приобретателя, но и отсутствие связи преступных действий и данного имущества, установить источник приобретения имущества.

Из анализа ч. 3 указанной статьи следует, что процессуальный статус других лиц напрямую произведен от статуса подозреваемого, обвиняемого, который должен быть определен по уголовному делу. В случае, когда судебным постановлением наложен арест на имущество других лиц при отсутствии определения процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого по уголовному делу, нарушается правило как буквальное, так и систематического толкования норм, предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ. Противоречивость и неопределенность норм ст. 115 УПК РФ позволяет трактовать основание, указанное в ч. 3 данной статьи, как самостоятельное для третьих лиц, а не производное от ч. 1 ст. 115 УПК РФ, что подтверждается правоприменительной и судебной практикой.

Вышесказанное свидетельствует о нарушении ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, что ведет к несоразмерному ограничению органами, осуществляющими уголовное судопроизводство, права собственности, свободы предпринимательской и иной экономической деятельности. Таким образом, применение данной меры уголовно-процессуального принуждения существенно затрагивает конституционное право каждого на свободное владение, пользование, распоряжение своим имуществом, и можно сделать вывод, что ч. 3 ст. 115 УПК РФ не соответствует ч. 1 ст. 35 и ч. 3 ст. 55 Конституции, поскольку – по смыслу придаваемой ей правоприменительной практикой – несоразмерно ограничивает право собственности.

По факту хищения неустановленными лицами из числа руководства ООО СК, с использованием своего служебного положения, денежных средств ОАО «...Энерго» путем представления фиктивных сведений об объемах потребляемой энергии было возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159 ч. 4 УК РФ. В ходе предварительного следствия был установлен факт заключения 01.01.2007 г. договора № 3406 оказания услуг по передаче электроэнергии между ООО СК и ОАО «...Энерго». Постановлением Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 24.04.2015 г. было удовлетворено ходатайство следователя о наложении ареста на недвижимое имущество, в том числе квартиру, принадлежащее на праве собственности гражданину Б., не причастному к совершению преступления. В ходатайстве было указано: «Следствием установлено, что в период совершения преступления директором ООО СК являлся А., который согласно сведениям УФРС России, по договору дарения передал Б. недвижимое имущество. У следствия имеются достаточные основания полагать, что данное имущество получено Б. в результате неправомерных действий А.» Вместе с тем данное обстоятельство юридически и фактически не соответствует объективной действительности, поскольку не основано на правоустанавливающих и правоудостоверяющих документах, выданных в установленном законом порядке. В обосновании законности способа приобретения имущества и отсутствия его преступного происхождения А. указал источник его приобретения, в частности, квартиры, а именно договор дарения, заключенный между ним и его дедом, который в свою очередь добросовестно и законно приобрел данную квартиру по договору передачи жилой площади в собственность от 24 апреля 2000 г. (Свидетельство о государственной регистрации права серия АС № 074943 от 5 июня 2000 г.). Перед возбуждением перед судом ходатайства следователя о наложении ареста на имущество, лицо (лица) из руководства ООО СК, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, обвиняемого, не было установлено; не проведена судебная бухгалтерская экспертиза, позволяющая определить размер причиненного материального ущерба и период преступной деятельности; не доказан сам факт фиктивности представляемых сведений о потребляемой энергии. Размер причиненного ущерба был основан только на заявленном гражданском иске «...Энерго». Впоследствии 27.05.2015 г. в апелляционной инстанции Постановлением Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 24.04.2015 г. было отменено.

К сожалению, приведенный пример из судебной практики о наложении ареста на имущество является далеко не единичным случаем⁹.

Однако практически всегда собственники имущества в качестве других лиц, у которых может находиться имущество, полученное предположительно, по мнению органов предварительного расследования, преступным путем, даже не уведомляются не только о ходатайстве следователя, но и о судебном решении о наложении ареста на указанное имущество. Можно сказать, что узнают о данной обеспечительной мере собственники, когда сроки обжалования истекли, и решение уже вступило в законную силу. Согласно ст. 389.4 УПК РФ, решение суда о наложении ареста на имущество может быть обжаловано в порядке апелляционного производства в течение 10 суток со дня его вынесения. После вступления постановления суда о наложении ареста на имущество собственник уведомляется органами предварительного расследования об аресте и запрете распоряжения данным имуществом,

⁹ Постановление Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 05.03.2015 г.; Постановление Засвияжского районного суда г. Ульяновска от 24.04.2015 г.

что для недвижимости излишне, так как УФРС РФ накладывает на него арест и самостоятельно уведомляет об этом собственника.

Как лицо, не имеющее процессуального статуса, собственник не может отслеживать движение дела, а значит, может и не знать о существовании тех или иных ограничений его прав в отношении принадлежащего ему имущества. Тем самым при попытках реализовать гарантированную законом возможность оспорить соответствующие действия и решения органов расследования и суда перед добросовестным собственником возникают различные препятствия и трудности процессуального характера вплоть до отказа в рассмотрении обращений о незаконном аресте и изъятии имущества.

Обращает на себя внимание незавершенность правовой регламентации порядка получения судебного решения о наложении ареста на имущество, что создает предпосылки для ущемления прав лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство в связи с применением указанной меры принуждения.

Таким образом, лицо, имущество которого подвергнуто аресту в соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ, обладает незначительными правами, поскольку не привлекается к рассмотрению дела в части гражданского иска ни в какой процессуальной форме, как не предусмотренное УПК РФ. В результате такое лицо лишено ряда законных прав, гарантированных ему ГПК РФ. Лица, в отношении имущества которых наложен арест, не вправе знакомиться с материалами уголовного дела (даже в части гражданского иска), заявлять ходатайства, участвовать в предварительном следствии, в судебных заседаниях, заявлять встречный иск, давать пояснения, требовать проведения экспертиз, пользоваться иными правами, предусмотренными ГПК РФ и АПК РФ. Представляется, что такой подход существенно ограничивает права лица, законные интересы которого затрагиваются и порой нарушаются рассматриваемым уголовным делом.

Применение ареста имущества в случае приостановления производства по уголовному делу не урегулировано законом и представляет определенную проблему для правоприменительной практики и, конечно, для собственника имущества. То есть, несмотря на то, что указанная мера носит временный характер, срок ее действия вполне может стать неограниченным, например, в случае приостановления предварительного следствия по ст. 208 УПК РФ. Если имущество находится под арестом длительное время, что происходит достаточно часто (путем указания в постановлении о наложении ареста – до окончания срока предварительного следствия, которое неоднократно может приостанавливаться), собственникам может быть причинен значительный материальный ущерб, компенсации которого они вправе требовать, как и в случае незаконного или необоснованного ареста.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 г. № 1 признано, что ч. 9 ст. 115 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 3 данной статьи и п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ не соответствуют Конституции РФ в той мере, в какой они не предусматривают эффективных средств защиты законных интересов собственника имущества, на которое наложен арест для обеспечения приговора в части гражданского иска, в случаях приостановления предварительного следствия по уголовному делу в связи с тем, что подозреваемый, обвиняемый скрылся от следствия.

Требование о возмещении вреда, причиненного гражданину незаконным применением к нему наложения ареста на имущество, должно предъявляться в суд, принявшей соответствующее решение, после признания этих мер незаконными вышестоящим судом и подлежать разрешению в порядке ст. 399 УПК РФ для рассмотрения вопросов, связанных с исполнением приговоров (ч. 5 ст. 135 УПК РФ). Таким образом, вступившее в законную силу постановление суда о признании незаконности применения к лицу меры процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество следует расценивать в качестве формально-юридического акта признания за ним прав на возмещение вреда¹⁰.

Для последовательной реализации норм о возмещении вреда, причиненного гражданину незаконным применением к нему наложения ареста на имущество, в ходатайстве следователя и постановлении суда необходимо четко прописывать индивидуализирующие признаки каждого объекта права собственности, и таким образом отмена постановления в части отдельных объектов, в частности недвижимого имущества, должна являться основанием возмещения вреда.

В связи с тем что возмещение вреда лицам, подвергнутым принуждению имущественного характера, в УПК РФ не урегулировано надлежащим образом, представляется необходимым восполнить данный правовой пробел. Следует дополнить ст. 1070 ГК РФ, регламентирующую порядок возмещения причиненного вреда незаконными осуждением, привлечением к уголовной ответственности, примене-

¹⁰ Николук В.В. Основания возникновения прав на возмещение вреда в порядке ч. 3 ст. 133 УПК РФ // Научный вестник Омской академии МВД России. 2010. №3. С. 46; Николук В.В. Возмещение вреда лицу, незаконно подвергнутому мерам уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 145.

нием в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписку о невыезде и незаконным применением мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера в виде наложения ареста на имущество, объединив таким образом меры процессуального принуждения в рамках одной статьи без излишней отсылки к ст. 1069 ГК РФ. Детальность регламентации основания, условий и порядка совершения действия, сопровождающих арест имущества должна способствовать эффективности деятельности суда, а также создаст гарантии соблюдения прав и законных интересов граждан.

Вопрос о возмещении морального вреда, причиненном наложением ареста на имущество, имеет дискуссионный характер, поскольку в действующем гражданском законодательстве РФ отсутствуют прямые нормы регламентации морального вреда за нарушение имущественных прав.

Статья 151 Гражданского кодекса Российской Федерации предусматривает, что если гражданину причинен моральный вред (физические и нравственные страдания) действиями, нарушающими его личные неимущественные права либо посягающими на принадлежащие гражданину другие нематериальные блага, а также в других случаях, предусмотренных законом, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда.

Согласно разъяснениям Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда (пп. 2,3)», под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, деловая репутация, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем, право авторства и другие неимущественные права в соответствии с законами об охране прав на результаты интеллектуальной деятельности) либо нарушающими имущественные права гражданина.

На основании п. 2 ст. 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации размер компенсации морального вреда определяется судом в зависимости от характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий. При определении размера компенсации вреда должны учитываться требования разумности и справедливости.

Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, и индивидуальных особенностей потерпевшего (п. 3 ст. 1099 Гражданского кодекса Российской Федерации).

При этом, согласно абз. 3 ст. 1100 ГК РФ, находящемуся во взаимосвязи с п. 1 ст. 1700 ГК РФ, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ. За иные действия органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры или суда ответственность наступает по правилам ответственности за виновные действия, закрепленным ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, предметом доказывания в делах по искам о возмещении морального вреда, причиненном незаконным наложением ареста на имущество, является факт наступления вреда, вина причинителя вреда, противоправность его поведения, причинно-следственная связь между действиями причинителя вреда и наступившими у истца неблагоприятными последствиями, доказанность размера ущерба. Причем сам по себе факт отмены постановления о наложении ареста не является доказательством противоправного нарушения должностным лицом закона и причинения истцу морального вреда, а также основанием для его компенсации.

Основания возникновения права на реабилитацию установлены ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно ч. 1 которой право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. Вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора, суда.

Согласно ч. 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, имеют:

- 1) подсудимый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор;
- 2) подсудимый, уголовное преследование в отношении которого прекращено в связи с отказом государственного обвинителя от обвинения;

3) подозреваемый или обвиняемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пп. 1,2,5 и 6 ч. 1 ст. 24 и пп. 1 и 4-6 ч.1 ст. 27 УПК РФ;

4) осужденный – в случаях полной или частичной отмены вступившего в законную силу обвинительного приговора суда и прекращения уголовного дела по основаниям, предусмотренным пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ;

5) лицо, к которому были применены принудительные меры медицинского характера, – в случае отмены незаконного или необоснованного постановления суда о применении данной меры.

Право на возмещение вреда в порядке, установленном гл. 18 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу (ч. 3 ст. 133).

Из разъяснений, содержащихся в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2011 г. № 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве», следует, что физические лица, не указанные в ч. 2 ст. 133 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, незаконно подвергнутые в ходе производства по уголовному делу мерам процессуального принуждения, а также юридические лица, которым незаконными действиями (бездействием) и решениями суда, прокурора, следователя, дознавателя, органа дознания в ходе производства по уголовному делу причинен вред (например, вследствие незаконного наложения ареста на имущество юридического лица), не отнесены уголовно-процессуальным законом к кругу лиц, имеющих право на реабилитацию.

Однако в случае причинения вреда указанным лицам они имеют право на его возмещение в порядке, предусмотренном гл. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (ч. 3 ст. 133, ст. 139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Современная судебная практика основывается на толковании и применении норм права, свидетельствующих о недостаточности только так называемого чистого нарушения имущественных прав, обусловленного наложением ареста на имущество для возмещения морального вреда. То есть помимо постановления суда о наложении ареста на имущество необходимо документальное подтверждение нарушения имущественных прав, например, в части распоряжения данным имуществом. Допустим, наложение ареста на квартиру должно повлечь нарушение права распоряжения, как то запрет совершения сделки купли-продажи в виде отказа Росреестра в регистрации перехода права собственности, либо наложение ареста повлекло нарушение в свою очередь конституционных прав, в частности, права на жилище. Таким образом, собственник недвижимого имущества должен быть лишен правомочий владения, пользования и распоряжения данным имуществом в виде выбытия имущества из его владения, запрета пользования и отказа в распоряжении¹¹.

В частности, истцу достаточно затруднительно представить доказательства намерения распорядиться недвижимым имуществом, например, квартирой, поскольку действующее законодательство устанавливает запрет распоряжаться таким имуществом (ст. 80 Федерального Закона Российской Федерации «Об исполнительном производстве»). Недвижимое имущество, на которое наложен арест, запрещается продавать, дарить, то есть совершать любые сделки по его отчуждению и, соответственно, совершать любые действия, влекущие юридические последствия. Согласно ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, квартира относится к недвижимым вещам, что предполагает в свою очередь в соответствии со ст. 13 Федерального закона Российской Федерации «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» необходимость государственной регистрации перехода права собственности на данный объект.

Постановлением Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 г. № 25-П положения ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ признаны не соответствующими ч. 1-3 ст. 35, ч. 1 ст. 46 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ в части эффективности защиты в судебном порядке прав и законных интересов лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми или гражданскими ответчиками по уголовному делу, право собственности которых, ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее им имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

В связи с чем для решения задач уголовного судопроизводства возникает настоятельная необходимость внести в УПК РФ изменения в части продолжительности срока применения наложения

¹¹ Решение Ленинского районного суда г. Ульяновска от 20.10.2015 г.; Апелляционное Определение Ульяновского областного суда от 02.02.2016 г.

ареста на имущество; предоставления собственникам арестованного имущества процессуальных прав для защиты в судебном порядке права собственности от необоснованного или чрезмерно длительного ограничения; судебной оценке разумности и необходимости ареста имущества.

С целью совершенствования нормативного регулирования в УПК РФ данной меры процессуального принуждения, конкретизируя предложения, следует внести следующие дополнения:

1) ч. 1 и ч. 3 ст. 115, ч. 3 ст. 165 УПК РФ право участия в судебном заседании собственника имущества при рассмотрении ходатайства следователя (дознателя) о наложении ареста на имущество;

2) ч. 4 ст. 165 УПК РФ обязательное вручение в установленные сроки постановления суда собственнику имущества, разъяснения ему в судебном решении (или в протоколе наложения ареста на имущество) порядка обжалования действий и решений органов расследования и суда по наложению ареста на имущество;

3) ч. 1 и ч. 3 ст. 115 УПК РФ, ч. 3 ст. 165 УПК РФ процессуальные гарантии – право знать сущность предъявленных к ним материально-правовых притязаний и обстоятельств, на которых они основаны; возражать против этих притязаний; давать объяснения; представлять доказательства; иметь представителя; знакомиться с материалами дела, заявлять отводы и т.д.;

4) ч. 1 ст. 115 УПК РФ уточнение в части получения имущества в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого;

5) ч. 8 ст. 115 УПК РФ перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание и наложен арест без отсылки к ГПК РФ;

6) ч. 8 ст. 115 УПК РФ требования к протоколу при наложении ареста на имущество без отсылки к ст. 166 и ст. 167 УПК РФ;

7) ч. 9 ст. 115 УПК РФ судебный контроль за продолжительностью наложения ареста на имущество, в отношении которого имеются основания полагать, что оно получено в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого;

8) ч. 3 ст. 133 УПК РФ специальный механизм возмещения убытков собственнику арестованного имущества, причиненных чрезмерно длительным ограничением его прав.

Поступила в редакцию 19.03.17

A.I. Alimova

INDIVIDUAL ISSUES OF THE CRIMINAL PROCEDURE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF IMPOSITION AND APPEAL OF ARREST ON PROPERTY OF OWNERS (BONA FIDE PURCHASERS)

The article shows the legal problems of the procedure of imposition and appeal of such restrictive measure as the arrest of property of owners (bona fide purchasers) by the court, including in case of suspension of the proceedings. According to part 1 of article 115 of the criminal procedure code the detention may be imposed on property belonging to the suspect, the accused or persons who bear material responsibility according to the law for their actions. However, the bodies of preliminary investigation, without specifying the procedural status of the person excites before the court, a petition for seizure of property. The person whose property is seized in accordance with part 3 of article 115 of the criminal procedure code of the Russian Federation has limited rights because he or she is not involved in the proceedings in the civil suit in any procedural form, not provided by the CCP. With the aim of improving the legal regulation in the code of criminal procedure this measure of procedural coercion should amend articles 115, 133, 165 of the code of criminal procedure.

Keywords: Interim measures of protection in criminal proceedings; seizure of property; property, the resulting criminal actions of the suspect, accused; the application of forfeiture in case of suspension of criminal proceedings; the procedure for appealing a court ruling on the seizure of property, rehabilitative, moral damages.

Алимова Анжелика Ирековна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин
Ижевский юридический институт (филиал)
Всероссийского государственного университета
юстиции (РПА Минюста России)
426052, Россия, г. Ижевск, Заречное шоссе, д. 23
E-mail: a-alimova-27@mail.ru

Alimova A.I.,
Candidate of Law, Associate Professor
Izhevsk Legal Institute (the branch of)
All-Russian State University of Justice
(Russian Law Academy of the Ministry of Justice
of Russian Federation)
Zarechnoye highway, 23, Izhevsk, Russia, 426052
E-mail: a-alimova-27@mail.ru